

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

П. П. БУШЕВ

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. А. ЖУКОВСКОГО

Оценка научной деятельности Валентина Алексеевича Жуковского дана в некрологах двумя его ближайшими соратниками по Петербургскому университету и Восточному отделению Русского археологического общества академиками В. В. Бартольдом и С. Ф. Ольденбургом¹. Отмечая широкий диапазон научных интересов Жуковского, работавшего в области восточной лингвистики, филологии и истории, Бартольд указывал, что «его труды были крупным шагом вперед в науке». Характеризуя его место в русском востоковедении, Бартольд писал, что «среди его (Жуковского. — П. Б.) печатных работ нет ни одной, которая не была бы посвящена Ирану...». При этом, по словам Бартольда, работы Жуковского всегда отличались самобытностью. Хотя Валентин Алексеевич прошел на восточном факультете Петербургского университета «вполне европейскую научную школу и вполне овладел европейскими научными методами, но он до конца думал и писал только по-русски»².

Высоко ценил научную деятельность Жуковского и С. Ф. Ольденбург, который писал, что труд Жуковского «Али-Аухадэддин Энвери»³ является «важным и ценным» и занимает «видное место в истории персидской литературы»⁴.

Работы Жуковского в области диалектов персидского языка и фольклора, по словам Ольденбурга, имеют большое значение: «В истории изучения Персии, которому он (Жуковский. — П. Б.) посвятил свою жизнь, его имя навсегда сохра-

¹ В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского* (ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 399—415); С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918* («Известия Российской Академии наук», 1919, № 2, стр. 2039—2068).

² В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 399—400.

³ В. А. Жуковский, *Али-Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики*, СПб., 1883.

⁴ С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2054.

нит почетное и видное место; его работами еще долго будут пользоваться специалисты, по его книгам будут учиться его преемники»⁵. В этой статье внимание будет обращено на не освещенные Бартольдом и Ольденбургом стороны жизни и творчества Жуковского⁶.

Жуковский родился 24 апреля (5 мая) 1858 г. в Воронеже. Его родители, Алексей Иванович и Наталья Ивановна, обладали достаточными средствами, чтобы дать высшее образование двум своим сыновьям — Валентину и Ивану⁷. Третий брат, Василий, и две сестры, Мария и Александра⁸, получили среднее образование.

Валентин Алексеевич сначала учился в Москве, в частной гимназии Фр. Креймана, а затем в воронежской казенной гимназии, которую и окончил в 1876 г. Жуковский отличался большим прилежанием и «весьма удовлетворительной... любознательностью»⁹. Закончил он гимназию при девяти отличных и трех хороших отметках. Как это ни странно для будущего филолога, но лучшие отметки Жуковский имел не по языкам (греческому и латинскому)¹⁰.

31 августа 1876 г. молодой Жуковский поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, на арабско-персидско-турецко-татарский разряд¹¹.

Что определило выбор профессии Жуковским и почему он решил посвятить жизнь изучению Востока? На этот вопрос пытался ответить Ольденбург. Свои рассуждения он строил на расшифровке эпитафии Жуковского к курсовому сочинению, написанному в 1879 г.: «Забывшие явления далекого прошлого появляются снова, между тем как современники рассматривают их как новые, ничогда не существовавшие ранее явления»¹².

⁵ Там же, стр. 2068.

⁶ Основные архивные фонды материалов о Жуковском хранятся в Ленинграде: в ГИАЛО, в Архиве Академии наук СССР и в Архиве востоковедов ЛО ИВАН.

⁷ Иван Алексеевич окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге.

⁸ Мария Алексеевна была замужем за В. В. Бартольдом, а Александра Алексеевна — за Н. Я. Марром.

⁹ В аттестате зрелости Жуковского записано, что он имел отличное поведение, исправно посещал уроки и усердно приготавливал письменные домашние работы (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 5, 6).

¹⁰ Там же. — По латыни на выпускном экзамене Жуковский получил тройку, однако общая оценка в аттестате — четыре.

¹¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 7.

¹² «Combien n'y a-t-il pas de choses, qui après avoir été en usage dans les siècles passés et être tombés dans l'oubli, ont ensuite paru de nouveauté! Et cependant ceux qui les ont vu commencer alors, les ont prises pour une nouveauté et ont cru qu'elles n'avaient jamais en lieu avant eux» (Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, оп. 1, № 15, л. 2).

Ольденбург объяснял этот эпитаф так: Жуковский «чувствовал, что на Востоке (имеются. — П. Б.) корни многого такого, что составляет красу (сегодняшней. — П. Б.) западной цивилизации, и найти эти корни представлялось заманчивым молодому востоковеду»¹³.

О справедливости такого объяснения трудно спорить с Ольденбургом, близко знавшим Жуковского. Здесь можно лишь добавить, что Жуковского действительно отличало от многих востоковедов, особенно западноевропейских, признание высоких культурных достижений народов Востока в те давние времена, когда современные западноевропейские страны находились на стадии варварства или на первых ступенях цивилизации. Это уважение к народам Востока и понимание ценности их культурного наследия всегда были присущи Жуковскому и поднимали его выше многих других буржуазных востоковедов.

Занимался Жуковский в университете весьма успешно. Он учился у В. Р. Розена, К. Г. Залемана, И. Н. Березина и других известных востоковедов. Жуковский работал над арабским, персидским, турецким и татарским языками. Он не сразу избрал своей специальностью персидский язык. Его первая самостоятельная студенческая работа была по турецкой филологии¹⁴. За это исследование в 1879 г. Жуковский получил золотую медаль университета¹⁵. При написании этой работы он проявил себя зрелым ученым, показал точность, безукоризненную правильность перевода и блеснул изяществом русской речи, как отмечал в своем отзыве доцент университета В. Смирнов. Некоторые из примечаний Жуковского, писал Смирнов, «по обширности своей суть как бы краткие монографии, в которых, собранные по какому-либо частному вопросу отрывочные данные

¹³ С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2041.

¹⁴ В. А. Жуковский, *О летописи османского писателя Али-эфенди «Кюнгуль-ахбар»*. — Работа начинается введением на 12-ти страницах под названием «Сведения Али-эфенди о славянах в сравнении с прочими турецкими историками (со времен Мурада I до Мухаммеда II включительно)»; далее идут «Извлечения из «Кюнгуль-ахбар» Али-эфенди. Текст и перевод по рукописям Лейденской, Венской и Константинопольской»; «Примечания к переводу Али-эфенди и сравнение его сказаний с сказаниями других османских писателей: Шукрулла, Дженнаби, Нешри, Идриса, Са'д-уд-дина, Солак-заде, Ферай-заде, Мухаммед-эфенди, Мунеджим-баши, Феридуна, Хезарфеина и Хаджи-Кальфы»; «Сказания Нешри. Царствование султана Мурада I, заимствовано из... и царствование султана Баязида I, из статьи...» (Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, оп. 15, л. 1—179).

¹⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 7933, л. 102.

так сгруппированы, что в совокупности своей представляют законченное целое»¹⁶.

Весной 1880 г., после окончания университета, Жуковскому была присвоена степень кандидата¹⁷. По единогласному решению Совета факультета восточных языков от 30 мая 1880 г. он был оставлен при кафедре персидской словесности «для приготовления к магистерскому экзамену»¹⁸.

Жуковский много и упорно готовился к защите магистерской диссертации¹⁹. К этому времени определилась не только специальность молодого ученого (персидская филология), но и сложились его политические взгляды.

Студенческие годы Жуковского протекали в период крайней реакции, наступившей во второй половине царствования Александра II, когда он окончательно отказался от своего показного либерализма. В университете Жуковский слыл за благонамеренного и несколько замкнутого студента, успешно занимавшегося науками, на которого большое влияние оказывал Розен, известный своими консервативными взглядами. Розен был для Жуковского не только учителем, но и наставником, советником, а впоследствии и лучшим другом. Наибольшее количество сохранившихся писем Жуковского адресовано Розену. Основными чертами характера Жуковского были практичность, рассудительность, целеустремленность, сдержанность, переходящая во внешнюю суровость, и некоторый консерватизм.

9 октября 1881 г. Жуковский женился на Варваре Ивановне Карлошевой²⁰. В ней он нашел не только верную жену и друга, но и прилежную помощницу в научно-исследовательской работе. После сдачи в 1882 г. магистерского экзамена Жуковский успешно защитил 10 апреля 1883 г. диссертацию на степень магистра персидской словесности²¹. Его диссертация «Али Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики» была опубликована в том же году. Это был первый печатный труд Жуковского.

¹⁶ Там же, л. 82, 83.

¹⁷ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 7.

¹⁸ Там же, л. 9.

¹⁹ Даже во время каникул в Воронеже Жуковский каждое утро работал до обеда (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 9).

²⁰ О своей будущей жене Жуковский писал В. Р. Розену 1 июля 1881 г., что она оканчивает «курс в Надеждинском родовоспитательном заведении» — девушка из бедной семьи, которая «поехала в Петербург по нужде» (там же, л. 9, 14).

²¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 15. — Официальными оппонентами были доцент В. Р. Розен, приват-доцент К. Г. Залеман и преподаватель С. И. Черняев.

Об Али-Аухадэддине Анвери²² западноевропейскими ориенталистами было написано много. Жуковский взялся за эту тему, чтобы исправить ошибки, которые были ими допущены. Для этого он проделал большую и кропотливую работу по сравнению и сопоставлению текстов 22 рукописей. Некоторые из них ему пришлось получать из-за границы. С поставленной задачей Жуковский, как писал декан факультета восточных языков В. Васильев ректору университета, справился «удовлетворительно»²³.

Диссертация Жуковского получила хорошую оценку такого выдающегося ученого, как Залеман²⁴, который в своем отзыве предсказывал диссертанту «блестящее будущее на поприще научной деятельности».

Высокую оценку этого труда дали Бартольд и Ольденбург. Диссертация Жуковского нашла живой отклик и в западноевропейской ориенталистике. Иранисты Перч и Броун написали благожелательные отзывы о работе молодого русского ученого²⁵.

Еще до защиты Жуковским магистерской диссертации его учителя — В. Р. Розен, И. Н. Березин и В. Ф. Гиргас поставили в ноябре 1882 г. перед ректором университета вопрос о научной командировке Жуковского в Иран в целях совершенствования в языке. В своем представлении, характеризуя молодого ученого, они писали, что «при несомненном даровании, солидных познаниях и уже испытанной, любви Жуковского к научному труду...»²⁶ они рассчитывают на отличные результаты и полагают, что, возвратясь из Ирана, Жуковский сможет занять кафедру персидской словесности, которая длительное время не имела постоянного руководителя²⁷.

В апреле 1883 г. командировка была оформлена, и 4 мая Жуковский выехал из Воронежа в Иран через Баку. Перед отъездом он получил инструкцию от кафедры персидской словес-

²² После защиты диссертации Жуковский согласился с мнением своего оппонента Залемана, что правильнее писать не «Эрвери», а «Анвери» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 10, 11).

²³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 22.

²⁴ К. Залеман, рец. на кн.: В. А. Жуковский, *Али Аухадэддин Энверов. Материалы для его биографии и характеристики* (ЖМНП, ч. 230, 1883, стр. 160—176).

²⁵ См.: С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2054.

²⁶ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 9.

²⁷ Кафедрой персидской словесности в те годы временно руководил Черняев. Последним постоянным руководителем ее был проф. Казем-бек (умер в 1870 г.).

ности, копии которой, к сожалению, в делах факультета восточных языков не сохранилось. Однако из опубликованных работ Жуковского, из его писем и отчетов и других косвенных данных можно полагать, что ему было предписано совершенствоваться в знании персидского языка и персидской классической литературы, собирать материалы по наречиям персидского языка²⁸ в районах Тегерана, Исфагана и Шираза. Кроме того, ему было поручено приобрести литературу и рукописи²⁹, а также составить списки книг и литографских изданий на персидском языке, имеющихся в частных библиотеках³⁰.

Отправляясь в Иран, Жуковский не очень верил в успех своих изысканий в области наречий персидского языка, потому что, как он писал, «масса трудов по персидской диалектологии, казалась, не оставила явды неисследованной земли Ирана и мало сулила новинок новому исследователю».

19 июня Жуковский прибыл в Тегеран. Однако из-за рамазана он не мог сразу приступить к занятиям по изучению языка. Не желая тратить времени зря, молодой ученый задумал составить нечто вроде справочника-путеводителя по Ирану, в котором он хотел изложить «все то, что ведать надлежит человеку, путешествующему по Персии, и не знающему, несмотря ни на какие описания, как и за что взяться. Эти сведения, на мой взгляд, не бесполезны». По неизвестным причинам Жуковский свое намерение в жизнь не претворил. Не исключена возможность, что адресовавшись с таким проектом к Розену, он не получил с его стороны одобрения, так как такого рода «практицизм» в востоковедении явно противоречил духу старой школы ориентализма.

С первых дней пребывания в Иране Жуковский поражал окружающих хорошим знанием персидского языка³¹. Тем не

²⁸ В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий*, ч. I, СПб., 1888, стр. 1.

²⁹ Университетом были выделены небольшие средства для закупки рукописей и книг.

³⁰ Следует отметить, что в те времена европейцу попасть в частные библиотеки Тегерана (а других не имелось) было очень трудно.

³¹ Секретарь консульства в Астрабаде И. С. Игнатъев писал факультету восточных языков, что Жуковский «в значительной степени» владеет персидским разговорным языком (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 31). — Жуковский 4 декабря 1883 г. писал Розену, что «беседовал с ним (Наср-эд-дин шахом. — П. Б.) на персидском диалекте без всякой помощи Григоровича (драгомана. — П. Б.) и этим, вероятно, сильно подкупил в свою пользу; после аудиенции весь город уже знал, что шах долго разговаривал со мной, чего прежде с ним никогда не бывало» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 162, л. 26). В том же письме Жуковский сообщал, что в Тегеране шли пересуды о том, что шах собирается пригласить его директором тегеран-

менее свои занятия он начал с изучения разговорного языка. «Первое полугодие моего пребывания в Персии было временем подготовительных работ, — писал Жуковский своему неизменному корреспонденту Розену. — Успешность моих занятий всецело зависит от свободы владения персидским разговорным языком, я счел для себя обязательным в первое время исключительное внимание обратить на этот предмет, насколько это от меня зависело и было в моих средствах»³².

Насколько целеустремлен и упорен был Жуковский в достижении этой цели, видно из того, как он работал с иранским учителем. Он писал, что с «ученым туземцем проводил я ежедневно, начиная с октября м-ца, от трех до пяти часов в беседе по поводу читаемых под его руководством сочинений, стараясь время от времени касаться других вопросов, чтобы по возможности всесторонне обнимать разговорную речь...»³³.

После этого Жуковский перешел к изучению логики и грамматики. «И та и другая, — писал он, — была мною усвоена по учебникам, принятым во всех медресе персидских». «Покончив на время счеты с грамматикой, я вновь обратился к поэзии и взялся за диван Насири-Хосрови Аляви (+ 534 г.)»³⁴.

В Тегеране Жуковский прожил 15 месяцев, занимаясь чтением текстов из классической персидской литературы и выполняя задания университета по подбору и приобретению литературы на персидском языке. Им был составлен, в частности, «список изданным в разных городах Персии литографским способом книгам», списаны или приобретены разные материалы для изучения курдского наречия (перишан намэ), лурийского, бахтиярского и др.³⁵.

Нельзя не отметить научную добросовестность и старательность Жуковского при выполнении заданий университета; не имея достаточных средств для приобретения рукописей, некоторые из них он переписывал. Так, им скопирована курдская

ского университета Дарольфунун. Интересно отметить, что сам Жуковский к этой мысли относился положительно. «Мне не раз приходило в голову, что это было бы очень недурно, тогда не только в Исфагань и Шираз можно было бы прокатиться, но и в другие города» (там же, л. 26). В феврале 1884 г. Жуковский сообщает Розену о возможности поступить на службу к губернатору Исфагана и Шираза Зилли Султану, старшему сыну Наср-эд-дин шаха: «Мне кажется, что это было бы очень хорошо... так как можно хорошо узнать Персию» (там же, д. 163, л. 3). Однако дальше предположений дело не пошло.

³² Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, № 10-а/427, л. 86.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 31.

рукопись из 600 стихов Мухаммеда Перишана и лурские четверостишия Баба Тамира Гамаданского³⁶.

Известен такой любопытный факт: просматривая библиотеку миссии, Жуковский обнаружил там рукопись на французском языке, «Записки Бартелеми Семино, французского инженерного офицера состоявшего на персидской службе и во время последней войны с Россией (1826—1828 гг. — П. Б.) находившегося в главной квартире Аббас Мирзы...». Рукопись эта, как он писал в письме к Розену, пропадала «на зубах грызунов». Поэтому, зная формализм чиновников миссии, он не остановился перед тем, чтобы забрать ее без разрешения и таким образом сохранить для науки³⁷.

27 января 1889 г. Жуковский сделал сообщение об этой рукописи на заседании Восточного отделения Археологического общества.

В начале сентября 1884 г. Жуковский с женой выехали в Исфаган. Они поселились в так называемой исфаганской Джульфе, пригороде Исфагана, выстроенном шахом Аббасом для переселенных армян. Жена Жуковского, успешно изучившая персидский разговорный язык, оказалась незаменимой помощницей мужа в собирании материалов по фольклору. Особенно велика ее помощь была в области изучения персидской семьи, семейных отношений и быта. «В женском вопросе, — писал Жуковский, — я был поставлен в исключительно благоприятные условия: мне сопутствовала моя жена»³⁸. Шак женщина, к тому же акушерка, она имела возможность проникать в «святыя святыя» иранской семьи — эндерун³⁹. На основании собственных наблюдений она написала большую статью «Персидский эндерун», не потерявшую значения и сегодня⁴⁰.

³⁶ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 2. — После смерти Жуковского эти рукописи были приобретены Азиатским музеем у его жены (Архив АН СССР, ф. 4, оп. 2, № 13, л. 11—12, 17—21, 24).

³⁷ «Рукопись, — пишет Жуковский 4 декабря 1883 г. Розену, — стыдно сказать, мною похищена; нужно было видеть, в каком положении я нашел все книги! Чтобы она не пропала бесследно... я счел не только законным, но даже своим долгом приобрести к своей библиотеке. Как бог на душу положит: может сообщу о ней Мельникову, а может и умолчу. — последнее вероятнее» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 27).

³⁸ Жуковский писал, что его жена «могла входить в самые тесные сношения с персидскими женщинами; она настолько свободно владела персидским языком, что без затруднений записывала со слов женщин всякого рода сообщения» (В. А. Жуковский, *Образцы персидского народного творчества*, СПб., 1902, стр. IV).

³⁹ Эндерун — внутренняя женская половина персидского дома, закрытая для посещения посторонних мужчин, тем более иностранцев.

⁴⁰ [Д. К.], *Персидский эндерун* («Вестник Европы», СПб., 1886, октябрь, стр. 501—549).

По словам Жуковского, его жена открыла существование у иранцев загадок, которые «составляют исключительное достояние персидских женщин. Слагаются они и стихами и прозой»⁴¹. О том, насколько энергично действовала в Исфагане жена Жуковского, видно из письма его к Розену: «Супруга моя, кажется не на шутку задумала удивить мир ориенталистов. Она, как разбойник при дороге, вооруженная карандашом и бумагой, при малейшем шорохе женского платья, спешит к дверям... и берет с прекрасного пола оброк колыбельными, свадебными песнями...»⁴².

Однако она собирала не только фольклорные, но и лингвистические материалы. Ольденбург писал, что они вошли в первую часть «Материалов для изучения персидских наречий», опубликованную Жуковским по возвращении из Ирана⁴³.

В Исфагане Жуковские пробыли около 18 месяцев⁴⁴. Там Жуковский занимался главным образом сбором материалов о диалектах персидского языка, а также по народному творчеству. Так, из некоторых его писем можно узнать дополнительные данные о наречиях персидского языка, таких, как кешэ, кохрудское, рудештское, кяфронийское, зефрэ и др. В классификации этих материалов, в методах и способах их собирания Жуковский шел собственным путем. Он ввел новый способ собирания материалов о наречиях Ирана, деля районы на полосы и последовательно изучая их. В связи с этим он писал, что «поразительное обилие и многообразие (в частности) персидских диалектов по полосам и в них по отдельным пунктам, городам, деревням и поселкам...» ставит «в настоящее время изучение наречий на иную несколько почву. Деление персидских языков и диалектов на группы, приводимые персидскими лексикологами... и на основании их показаний удерживаемые устойчиво и европейскими исследователями, должно быть оставлено, как вносящее в дело только одну путаницу... Поэтому, — писал далее Жуковский, — материалы, которые собраны мною, я разбил на четыре группы (полосы идут с севера на юг)»⁴⁵.

Для получения новых данных Жуковский, как правило, не выезжал в районы, где население говорило на изучаемом им

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 14.

⁴² Там же.

⁴³ С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2056.

⁴⁴ Во время пребывания Жуковского в Исфагане с ним вели переписку относительно приглашения его в качестве переводчика для участия в поездке с пограничными комиссарами на афганскую границу в район Сарахса (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 15; № 164, л. 1).

⁴⁵ В. А. Жуковский, *Материалы...*, ч. I, стр. II и VI.

наречии. Он подбирал грамотных и разбирающихся в особенностях персидского языка и литературе людей, которые могли дать исчерпывающие ответы на вопросы о значении того или иного оттенка слова или понятия. Для поисков таких людей нужно было обладать умением подойти к человеку, внушить ему доверие к себе. Относясь с уважением к представителям чужого народа, Жуковский умел найти себе помощников. Так, он привлек к работе одного из своих учителей, о котором писал 20 декабря 1885 г. Розену: «Человек мой, который всегда рыщет по базару, в поисках за наречиями или песнями, каждый раз уверяет меня: валла сахиб, более нет в Исфагане такого чудного языка, которого бы Вы не знали, песни, которой бы Вы не записали»⁴⁶.

О своей напряженной работе в Исфагане Жуковский образно сообщает в одном из писем к Розену: «Работа сама в руки лезет, едва успеваешь разобрататься в массе материала. Утром просыпаешься, в кухне уже сидит какое-нибудь наречие или песня. Возишься с ним до заката, делая самые незначительные передышки для завтрака и чая, а вечер посвящаешь на разборку написанного. И так каждый день. Я до того втянулся в этого рода занятия, что в дни, которые употребляю на прогулку, чтобы освежиться немножко, а также на «дидени» (визиты), положительно тоскую. Случается, что по две недели я не выхожу на воздух.. и никого не принимаю»⁴⁷.

О количестве записей, произведенных Жуковским только в области образцов народного творчества, можно судить с его же слов. 5 января 1885 г. он с удовлетворением сообщил Розену о результатах своей полугодовой работы в Исфагане: только по бахтиарскому диалекту им записано и переведено до тысячи стихов, а по рудештскому — около 900. «Можете себе представить, — писал он далее, — с какой гордостью и наслаждением смотрю я на свои материалы; как мечтаю о том времени, когда все это сырье появится на свет божий в совершенном виде и оправдает тот интерес, который оно возбудило»⁴⁸.

На основе изучения собранного материала Жуковский опроверг существовавшее до него в востоковедной науке представление о широком распространении среди населения Ирана персидского литературного языка в качестве разговорного. Он писал на основе детального изучения этого вопроса, что «чистый новоперсидский язык, известный большинству населения, дале-

⁴⁶ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, л. 26.

⁴⁷ Там же, л. 3, 4.

⁴⁸ Там же, л. 1, 3, 4, 15.

ко не пользуется такою общеупотребительностью и распространенностью в качестве разговорного языка, как мы о том привыкли думать: он язык государственный, деловой, язык больших городов и привилегированных классов, простой же народ, деревня в нем не нуждается, говоря на диалектах»⁴⁹.

Двухгодичный срок командировки сказался для Жуковского недостаточным. Согласно его просьбе Министерство народного просвещения продлило еще на год и 3 месяца срок его пребывания в Иране⁵⁰.

21 марта 1886 г. Жуковские выехали в Шираз, где они были до конца мая⁵¹. За этот короткий промежуток времени много сделать было нельзя. Жуковский заканчивал там работу по бахтиарским диалектам, собирая материалы по наречиям чехарленгов и хефтленгов. Письма Жуковского из Шираза наполнены больше внешними впечатлениями о городе и трудностях дороги, чем о его исследовательской работе. Шираз произвел на Жуковского плохое впечатление: «Улицы узки до безобразия, воздух спертый и, главное, нет порядочной воды... плохо и с продуктами, которые втрое дороже чем в Исфагане»⁵².

В ширазских письмах Жуковского к концу трехлетнего пребывания в Иране уже сквозит тоска по родине, желание скорее вернуться в Петербург. В письме от 5 января 1886 г. он жалуется на тяжесть здешней жизни и предвкушает радость возвращения в Россию⁵³. Обратного рассчитывал вернуться через Исфаган—Тегеран—Мазандеран⁵⁴, чтобы изучить по пути местные диалекты и собрать образцы народного творчества⁵⁵.

Во время пребывания в Иране, несмотря на тяжелые климатические условия, Жуковский работал исключительно напряженно. Именно там им был собран крупнейший и совершенно еще не изученный востоковедами материал по диалектам персидского языка. Как уже отмечалось, отправляясь в командировку, он не надеялся добиться больших результатов при исследовании диалектов Ирана. Однако он ошибся. Благодаря своему таланту, трудолюбию, настойчивости Жуковскому удалось обнаружить, изучить и описать ряд неизвестных науке диалектов персидского языка в районах Кашана, Исфагана, Шираза.

⁴⁹ В. А. Жуковский, *Материалы...*, ч. I, стр. II.

⁵⁰ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 32, 33, 38, 48.

⁵¹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 10, 16.

⁵² Там же, л. 10.

⁵³ Там же, л. 1.

⁵⁴ Там же, л. 16.

⁵⁵ Нет документальных данных, говорящих о том, что Жуковский возвращался в Россию через Мазандеран. Очевидно, что-то помешало ему осуществить это намерение.

Семнана и других. Работая над диалектами персидского языка, Жуковский не мог не сталкиваться с произведениями народного творчества⁵⁶, изучая которые он пришел к выводу об его огромном литературно-художественном богатстве. «Мой сборник народных произведений, — писал Жуковский в 1886 г., — в последнее время сильно обогатившийся, очень интересен»⁵⁷; по поводу же сивендских⁵⁸ образцов народного творчества Жуковский сообщал Розену: «Я еще раз повторяю, что подобных прелестных произведений я никогда не встречал; буду усердно искать их по дороге из Исфагана до Каспия»⁵⁹.

Несколько позже, в 1903 г., Жуковский увидел большой социально-политический смысл в произведениях народного творчества. Он нашел в них более правильное отображение политических событий дня, жизни и чаяний народа, чем в художественной литературе, которая, по его мнению, восхваляла каджарский строй: «Тут все благополучно: справедливость шаха, изобилие плодов земных... можно подумать, что в раю»⁶⁰. Тогда как на самом деле «взяточничество, полный произвол разнузданного правительства...»⁶¹ и т. д. И вот эти-то стороны действительной жизни правдиво, без всяких прикрас передают народные «литературные произведения, разнообразные по форме, в ответ на запросы действительности и злобы дня...»⁶².

Жуковский пошел собственным путем в востоковедении, отказавшись от традиционного изучения только древней и средневековой истории. Он первый поднял до степени науки изучение народного творчества. Это наметилось уже в первую поездку Жуковского в Иран, сыгравшую огромную роль в его жизни как ученого-ираниста и во многом определившую дальнейшее направление его научной деятельности.

Интересно отметить отношение Жуковского к европейцам, живущим в Иране⁶³, которые вели себя в отношении местного населения как колонизаторы. Он писал Розену: «О колонии европейцев (купцы и английские телеграфисты) говорить не стоит — это жалкие подонки, которым не нашлось места в Европе». Некоторым исключением, по мнению Жуковского, в Исфагане был начальник английского телеграфа, который за

⁵⁶ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, л. 1.

⁵⁷ Там же, л. 20.

⁵⁸ Сивенд — селение в районе Ширази, куда выезжал Жуковский для сбора материалов по местному наречию.

⁵⁹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 24.

⁶⁰ Цит по В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 414.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, стр. XVI.

⁶³ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 2, 8.

20 лет жизни в Иране не потерял своего «европейского облика», тогда как «все прочие — невылазная грязь, от которой душу воротит свежему человеку»⁶⁴.

3 мая 1886 г. срок научной командировки Жуковского закончился, и он возвратился в Петербург. 11 июня того же года он был утвержден в должности приват-доцента с исполнением обязанностей руководителя кафедры персидской словесности, не имевшей, как уже говорилось, постоянного руководителя после смерти проф. Казем-бека.

10 октября 1886 г. Жуковский стал читать лекции на факультете восточных языков университета, где он работал до самой смерти (свыше 31 года).

Лекционная нагрузка Жуковского в первые годы его преподавания была невелика⁶⁵. Это давало ему возможность много времени уделять научной работе и подготовке к изданию своих трудов.

С самого начала педагогической деятельности Жуковскому пришлось столкнуться с отсутствием в университете учебных пособий по персидскому языку. В 1887 г. вышел в свет составленный им текст «Сказок попугая» со словарем⁶⁶, по которому училось не одно поколение востоковедов, вплоть до нашего времени. В том же году совместно с Залеманом Жуковский издает в Берлине грамматику новоперсидского языка с хрестоматией и словарем⁶⁷. Однако лишь через два года Жуковскому удалось опубликовать ее на русском языке⁶⁸. О том, что грамматика Жуковского — Залемана не потеряла своего научного значения до настоящего времени, говорит факт ее переиздания в Лейпциге в 1947 г. (четвертое издание).

В 1887—1889 гг. Жуковский пишет капитальную работу на базе тех материалов о персидских наречиях, которые он собрал во время своей научной командировки в Иран. Публикация в 1888 г. этого труда и защита его 18 декабря того же года⁶⁹ в качестве докторской диссертации твердо закрепляют за Жуков-

⁶⁴ Там же, № 165, л. 1.

⁶⁵ Четыре часовых лекции в неделю в первом полугодии и шесть лекций по второму (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 58).

⁶⁶ «Сказки попугая. Спор чашки с кальяном. Выбрал и словарем снабдил В. А. Жуковский», СПб., 1887, персидский текст 56 стр., словарь 64 стр. 2-е изд. 1901 г.

⁶⁷ «Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar von Carl Salemann und Valentin Shukovski», Berlin, 1889, S. XII, 118, 140.

⁶⁸ «Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии». Составили К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, СПб., 1890, стр. 100.

⁶⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 76, 78.

ским кафедрой персидской словесности и дают ему с 1 марта 1889 г. звание экстраординарного профессора, когда ему было только тридцать лет.

1889—1891 годы были для Жуковского наиболее плодотворными. В течение трех лет он опубликовал 21 работу, в том числе, кроме указанной грамматики, 11 статей, 5 рецензий и др.

Жуковский становится ведущим ученым-иранистом петербургской востоковедной школы. Когда в 1890 г. у Археологической комиссии возникла необходимость командировать крупного ученого «для ознакомления со следами персидской культуры» в Закаспийской области, выбор пал на Жуковского. Там он много и плодотворно поработал все лето. Жуковский выбрал время для поездки в августе в иранский Хорасан, в селение Тус, на могилу Фирдоуси, о которой написал специальную статью⁷⁰, высоко оцененную Бартольдом⁷¹. В этой статье Жуковский с огорчением противопоставляет запущенную могилу Фирдоуси блеску и великолепию гробницы имама Резы в Мешхеде, высказывая сожаление по поводу невнимания правителей Ирана к памяти величайшего поэта.

Результатом работы Жуковского в Закаспии была монография⁷², которая свидетельствует о том, что Жуковский был не только специалистом в области персидского языка и литературы, но и большим знатоком истории Ирана и персидского искусства. Признанный знаток древней и средневековой истории среднеазиатских государств Бартольд писал, что ни один город в Средней Азии не имеет такого тщательного и хорошего исторического исследования, как Мерв, описанный Жуковским⁷³.

За эту работу он получил золотую медаль Русского археологического общества и был избран 20 февраля 1895 г. членом-корреспондентом Археологической комиссии. 4 декабря 1899 г. Жуковский стал членом-корреспондентом Российской Академии наук по востоковедению⁷⁴.

К этому времени начался постепенный отход Жуковского от исследовательской работы в области языка. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением Бартольда о том, что Жу-

⁷⁰ В. А. Жуковский, *Могилы Фирдоуси* (ЗВОРАО, т. VI, 1891, стр. 308—314).

⁷¹ В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 406.

⁷² «Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва», СПб., 1894.

⁷³ В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 405, 406; В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903, стр. 29.

⁷⁴ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 106; Архив АН СССР, ф. 2, 1899, оп. 1, № 16.

ковский «оставался верен до конца жизни» тому кругу занятий по востоковедению⁷⁵, которые он наметил себе с первых лет своей научной деятельности. Действительно, начав работу в области персидской классической литературы и языка, он в дальнейшем значительно расширил круг своих научных интересов. Он занимался историей Ирана, фольклором и даже экономикой⁷⁶. Под конец жизни Жуковский много времени отводил изучению персидских средневековых суфиев⁷⁷. Наряду с этим он интересовался и современными ему религиозными сектами в Иране, в частности, парсами, бабидами и т. д. Изучая наречия и сталкиваясь все время с народом, Жуковский не мог не видеть произвола и гонений, которым подвергались различные слои населения Ирана и, в особенности, гебры. Не случайно свою первую печатную работу, опубликованную в 1885 г., Жуковский посвятил вопросу о положении гебров⁷⁸.

С 80-х годов Жуковский все более и более занимается административными делами. В течение 11 лет (с 1892 по 1902 г.) он — ученый секретарь факультета⁷⁹. 1 августа его избрали деканом вместо вышедшего в отставку Розена⁸⁰.

Насколько велика была загруженность административными делами Жуковского, видно из его письма к Розену, в котором он объяснял ему свое молчание бесконечным числом утренних и вечерних заседаний.

28 ноября 1889 г. Жуковскому было присвоено звание ординарного профессора; 1 января 1901 г. он был произведен в чин действительного статского советника. Он получает ордена русские, бухарский, персидский⁸¹.

Летом 1896 г. Жуковский, по поручению Археологической комиссии, вторично выезжает в Закаспийский край «для историко-филологических изысканий с целью подготовки к изданию персидского сочинения по истории русских закаспийских

⁷⁵ В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 399.

⁷⁶ В Архиве востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, оп. 1, № 1 (13) хранится статья Жуковского «Роспись государственных доходов Персии», в которой сравниваются доходы Ирана за 1836, 1851 и 1885 гг.

⁷⁷ Первым учителем в Тегеране был суфий. Жуковский писал Розену 15 февраля 1884 г., что учится «у муллы, самого ярого поклонника Джелаледдина, суфия, по своему существу» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 1).

⁷⁸ В. А. Жуковский, *О положении гебров в Персии* (ЖМНП, ч. 237, 1885, январь, стр. 77—94).

⁷⁹ Жуковский переизбирался ученым секретарем в 1896 и 1900 гг. (там же, л. 114, 133).

⁸⁰ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 145.

⁸¹ Там же, л. 79, 90, 124, 144, 224.

владений»⁸². На этот раз он посещает развалины Нуса и его окрестности — Абиверд и Мейхене. Летом 1897 г. Жуковский сообщал Розену о замышляемом им труде, посвященном Закаспийскому краю, однако он его не написал.

1899 год был примечательным годом в жизни Жуковского: он выпускает в свет две публикации персидских текстов⁸³. В том же году В. А. Жуковский с женой выехал на лето в научную командировку в Тегеран⁸⁴. Перед Жуковским были поставлены задачи: пополнить и проверить собранные во время первой командировки материалы по персидскому народному творчеству; ознакомиться с новейшей персидской литературой, с состоянием народного образования, тегеранскими библиотеками и положением на книжном рынке; возобновить связи с местными научными силами.

Как выполнял эти поручения Жуковский, видно из его писем к Розену; 27 июня 1899 г. он писал: «Отдохнув с дороги, я принялся за дело: связался опять с диалектами, которыми здесь хоть пруд пруди, и записываю народные стишки...»⁸⁵. Особенно много занимался он собиранием образцов народного творчества, в частности, у крестьян деревни Зергенде. В этом деле, как пишет сам Жуковский, ему деятельно помогала его жена⁸⁶. Результатом этой поездки было издание Жуковским в 1902 г. замечательного труда «Образцы персидского народного творчества»⁸⁷, получившего высокую оценку в России и за границей. Известно, что за эту работу Жуковский получил золотую медаль Русского географического общества, третью золотую медаль за свои научные труды⁸⁸.

⁸² Там же, л. 109, 110.

⁸³ В. А. Жуковский, *Жизнь и речи старца Абу Са'ида Мейхенейского*, СПб., 1899; «Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Са'ида. Толкование на четверостишия Абу Са'ида», СПб., 1899.

⁸⁴ С 20 июня по 10 сентября 1899 г. (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2 № 167, л. 11, 13).

⁸⁵ Там же, л. 14.

⁸⁶ Жуковский писал 14 августа 1899 г. Розену из Тегерана: «Жена по мере сил помогает мне, приходя в соприкосновение с дамским составом и извлекая из них песни и прибаутки» (там же, л. 11).

⁸⁷ «Образцы персидского народного творчества. Песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания. Собрал и перевел В. А. Жуковский», СПб., 1902 стр. IX, 281.

⁸⁸ Ольденбург сообщает, что в добавление к этой книге Жуковским были изданы на правах рукописи по цензурным соображениям три стихотворения (С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2056). — Высокую оценку этой работе дали В. Минорский и А. Крымский которые, по их словам, из нее много почерпнули (Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, д. 10/427, л. 42).

Стремясь ознакомиться в Тегеране с книжным и рукописным богатством частных библиотек, Жуковский при посредстве членов русского посольства познакомился со многими влиятельными лицами, включая садр-азама, церемониймейстера и владельцев издательств. Однако результаты были более чем скромными. Например, осмотрев библиотеку церемониймейстера шахского двора, который был к тому же главой дервишского ордена Ниметаллахи, Жуковский ничего ценного в ней не обнаружил⁸⁹. Во время своего второго пребывания в Тегеране Жуковский изучал «тайны дервишских орденов» и собирал о них документы⁹⁰.

Встречам и беседам с дервишами он отводил много времени. Именно в этот период у него наступает разочарование в современном ему иранском дервишизме. Розену он пишет о полном вырождении дервишизма, «превращении его в орден вроде франкмасонских с разного рода тайными собраниями и довольно диким ритуалом, которого никогда и не знали дервиши доброго старого времени»⁹¹. Более того, Жуковский увидел продажность дервишских святош, «хотя они всячески стараются скрыть это»⁹². Поэтому Жуковскому сначала казалось, что ему «не удастся поднять завесы над этой тайной, но потом убедился, что Аллах керим: надеюсь буду даже располагать тайными письменными документами, не одними словесными откровениями. Я составил маленькую коллекцию фотографий дервишей, и Вы узрите ее в одно из заседаний Археологического общества, если разрешите сделать сообщение по поводу моих летних наблюдений»⁹³. Это сообщение Жуковский сделал 18 ноября 1899 г.

⁸⁹ Во время этой поездки Жуковский был награжден шахом орденом Льва и Солнца второй степени (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 124).

⁹⁰ 14 августа 1899 г. Жуковский писал Розену: «Тайны дервишей мало-помалу раскрываются, и я уже владею некоторыми документами и надеюсь получить еще больше, паутину распустил большую и по самым разным направлениям» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 11). — В то же время, лично наблюдая за гонениями бабидов, Жуковский пишет об этом небольшую статью, а через два года дополняет ее. Обе статьи проникнуты явным сочувствием к страстотерпцам-мученикам за идею Беха Уллы [В. А. Жуковский, *Недавние казни бабидов в городе Езде* (ЗВОРАО, т. VI, 1891, стр. 321—327)]; В. В. Жуковский, *Разъяснения к заметке «Недавние казни в городе Езде»* (ЗВОРАО, т. VII, 1891, стр. 327).

⁹¹ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 167, л. 17.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. — О коллекции фотографий дервишей нам ничего не известно, хотя Софья Михайловна Марр (жена Ю. Н. Марра, ученика и родственника Жуковского) подарила в мае 1958 г. Архиву востоковедов АО ИВАН одну из тегеранских фотографий Жуковского в мусульманской одежде.

на заседании Восточного отделения Археологического общества, но письменного документа в развитие своего доклада так и не оставил. Критика Жуковским современного ему иранского дервишизма основана на лично виденном и пережитом им. В ней проскальзывает разочарование тем, во что он верил и что так опоздали современные ему последователи суфизма.

Очевидно, в какой-то степени именно этим объясняется увлечение Жуковского средневековым суфизмом⁹⁴.

Жуковский интересовался фольклором и другими видами народного творчества в Иране. Не случайно, в числе первых работ, опубликованных им в 1885—1892 гг., была небольшая статья «Образчик персидского юмора», в которой высмеивалось хвастовство, приписываемое Аббасу Мирзе⁹⁵.

В 1889 г. Жуковский пишет большую статью об иранских колыбельных песнях и причитаниях⁹⁶. Однако свою основную работу об образцах народного творчества он издал позднее.

В 1880—1892 гг. Жуковский печатает несколько небольших статей в петербургских газетах и журналах на темы востоковедного характера. В эти же годы он публикует восемь рецензий на русские, немецкие и персидские работы⁹⁷.

Несмотря на то что у Жуковского, по его словам, в 1899 г., после второй поездки в Тегеран, было много материалов для издания, он их не опубликовал, если не считать его последней работы «Образцы народного творчества» (1902).

* *
*

Жуковский отрицательно относился к русской революции 1905—1907 гг.⁹⁸. Настроения части русской интеллигенции, впавшей после поражения революции в мистицизм и богоискательство, в какой-то мере были созвучны и Жуковскому.

Жуковский осуждает попытку студентов устроить сходку 11 апреля⁹⁹ и одобряет действия администрации университета,

⁹⁴ Об этом см.: В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 408—409; В. А. Жуковский, *Образчик персидского юмора* (ЗВОРАО, т. I, 1885, стр. 316—318).

⁹⁵ Аббас Мирза — наследник Фатх Али-шаха. Под его командованием иранские войска неудачно воевали против русских войск в двух войнах: в 1804—1813 и 1826—1828 гг.

⁹⁶ В. А. Жуковский, *Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевоего населения* (ЖМНП, 1889, январь, стр. 93—126).

⁹⁷ См., список научных работ Жуковского, помещенный в ЗВОРАО, т. XXV, 1917—1920.

⁹⁸ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 168, л. 1—3.

⁹⁹ Там же.

в частности такую меру, как «дробление экзаменов», чтобы «не собирать в одном месте много народа». Отрицательно Жуковский относился и к произведениям Максима Горького.

Следует отметить, что в отличие от своих предшественников и учителей (Розена, Залемана, не говоря уже о Дорне и Френе), много и охотно печатавшихся за границей, главным образом на немецком языке, Жуковский, если не считать изданной вместе с Залеманом персидской грамматики на немецком языке, ничего не публиковал в иностранных журналах, как и не высказывал никогда желания побывать за границей, кроме Ирана. Он, по словам Бартольда, не совершил ни одного путешествия в Западную Европу и «не говорил ни на одном языке, кроме русского и персидского»¹⁰⁰.

10 апреля 1906 г., после 25-летней работы в университете, Жуковский сделал попытку уйти в «заштат», т. е. получить пенсию и преподавать в качестве внештатного профессора¹⁰¹. Совмещать две административные должности — декана факультета восточных языков и начальника Учебного отделения Министерства иностранных дел, было все труднее и труднее. К тому же, как старейший декан университета, В. А. Жуковский неоднократно должен был замещать ректора.

9 июля 1911 г. Жуковскому присвоили звание заслуженного профессора. 23 августа 1911 г. Жуковский вторично просит о переводе его на пенсию, ввиду того что он прослужил 30 лет в университете. При этом он давал согласие вести курс лекций внештатно. Наконец, 30 сентября он был освобожден от должности декана с назначением ему пенсии в 3 тыс. руб. в год¹⁰². В 1911 г. Жуковский закончил официальную службу в университете, продолжая читать лекции по персидскому языку.

Как уже говорилось выше, с 1903 г. и до конца жизни Жуковский почти не издавал своих работ. Были периоды, когда он даже не выступал с докладами или сообщениями; такими были годы: 1904, 1905, 1907—1908, 1910—1912, 1915—1916.

Причины этого весьма трудно объяснить. Во всяком случае даже Бартольд, близко знавший Жуковского, так же как и Ольденбург, уклонились от определенного ответа на этот вопрос, ограничившись туманными намеками на «разочарование», о котором Жуковский якобы «не раз говорил в кругу товарищей»¹⁰³.

Основываясь на фактах и документах, в порядке гипотезы можно отметить причины, которые в какой-то мере объясняют

¹⁰⁰ В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 399.

¹⁰¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 222, 224, 225, 226 и 228.

¹⁰² Там же, л. 242, 246, 258, 266, 280.

¹⁰³ В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 412.

«молчание» (по выражению Бартольда) Жуковского. Как мы полагаем, главной причиной является большая административная работа Жуковского. По мере загруженности административной работой уменьшается научная деятельность Жуковского. Например, из 73 опубликованных им работ 39 он издал в 1880—1892 гг., т. е. в период, когда он занимался исключительно научной и педагогической деятельностью. В 1893—1902 гг.¹⁰⁴ вышло в свет 23 работы, а в 1903—1918 гг., когда Жуковский был деканом факультета восточных языков до сентября 1911 г., а с 1905 г. и начальником Учебного отделения Министерства иностранных дел, было напечатано только 11 работ.

Сам Жуковский понимал невозможность совмещения научной работы с административной. Он писал Розену: «Мне кажется, на эту должность (ректора Университета. — П. Б.) подходил бы И. А. Ивановский, человек уравновешенный... и для науки, по-видимому, уже погибший»¹⁰⁵. В другом письме мы читаем: «...выразил большое сомнение в возможности совмещения чиновничьей службы с серьезной научной работой, о чем я всегда с настойчивостью говорил...»¹⁰⁶.

Сын Жуковского, Сергей Валентинович, на заключительном заседании научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения Жуковского, 7 мая 1958 г. высказал свое мнение, что «молчание» Валентина Алексеевича объясняется тяжелой утратой самого близкого его друга Розена. Однако известно, что Розен умер в 1908 г., а Жуковский почти прекратил издание своих трудов гораздо раньше. Смерть Розена могла быть только дополнительной, но не основной причиной «молчания» Жуковского.

Хотя Жуковский почти ничего и не печатал в последние годы своей жизни, он тем не менее продолжал работать главным образом в области исследования суфийских текстов.

Скончался Жуковский от приступа грудной жабы вечером 4 января 1918 г. (старого стиля). Еще утром 4 января, как сообщал Ольденбург¹⁰⁷, Жуковский послал телеграмму декану факультета восточных языков университета, что не сможет прибыть на лекцию. До последней минуты своей жизни он за-

¹⁰⁴ Точнее говоря, с 1 декабря 1892 г. по 1 августа 1902 г., когда Жуковский был секретарем факультета восточных языков (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 145).

¹⁰⁵ Архив АН СССР, 777, оп. 2, № 168, л. 4.

¹⁰⁶ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 167, л. 22.

¹⁰⁷ С. Ф. Ольденбург, Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918, стр. 2039—2040.

нимался переводом дивана Баба Кухи Ширазского. По словам Бартольда, смерть застала Жуковского за переводом стиха из этого дивана. Погребен Жуковский на Ново-Девичьем кладбище.

* *
*

Лучшим заключением статьи о жизни и деятельности Валентина Алексеевича Жуковского могут быть слова Ольденбурга, ученика и сотоварища по работе в университете и по Археологическому обществу Академии наук, написанные им в 1928 г. по поводу предоставления персональной пенсии жене покойного ученого. В этом неопубликованном документе подводились итоги деятельности ученого: «Валентин Алексеевич Жуковский, — писал Ольденбург, — один из крупнейших востоковедов нашей страны, признанный во всем мире глубокий знаток персидской культуры, оставил ряд выдающихся трудов, которые до сих пор во многих областях востоковедения сохраняют руководящее значение. Он был [не] только книжный знаток своего предмета... и ... обладал обширнейшими сведениями, но он черпал свои знания из жизни, проведя несколько лет в Персии, в живом и постоянном общении с местным населением». Жуковский оставил после себя учеников, занявших почетное место в рядах востоковедов.

Жуковский оставил после себя учеников, занявших почетное место в рядах востоковедов.

В области изучения народного творчества Ирана Жуковский выступил новатором: он отрекся от традиций своих учителей, представителей «классической» школы русского востоковедения. Как подчеркивал его ученик А. А. Ромаскевич, Жуковский первый попытался «систематически собрать и обследовать народные произведения Персии, не только как вспомогательный материал (для иранской филологии. — П. Б.)... но как произведения народной словесности, в которых так или иначе отразились характерные черты быта и воззрений персидского народа, черты которых напрасно стали бы искать в произведениях художественной литературы Персии»¹⁰⁸.

В этом большая заслуга Жуковского, русского востоковеда-ираниста, отдавшего всю свою жизнь изучению наречий, быта, истории и литературы Ирана.

¹⁰⁸ А. А. Ромаскевич, *В. А. Жуковский и персидская народная поэзия* (ЗВОРАО, т. XXV, 1919—1920, стр. 415).